

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-457-475

УДК: 93/94 + 316.62

ЖЕНСКИЙ ПРОТЕСТ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930 г. КАК ФЕНОМЕН РАДИКАЛЬНОГО ОТВЕТА ПОЛИТИКЕ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ЭТАТИЗАЦИИ ДЕРЕВНИ

Игнатъева Евгения Андреевна,

магистрант II курса Гуманитарного института

Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1;

лаборант Научно-образовательного центра «Наследие»

Гуманитарного института Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

jane.rose.gnr@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению феномена женского протеста в процессе «сплошной коллективизации» деревни. Автор исследует данное явление как социальное поведение в рамках структурно-функционального подхода (М. Вебер, Р. Мертон), что позволяет уйти от идеологических клише и проанализировать женский протест не как аффективное («бабий бунт»), а как сложносоставное социальное действие, где роль целеполагания могла быть доминирующей. Такой подход позволяет установить основные характеристики женского протеста, его результативность, влияние на культуру крестьянского протеста; предоставляет возможность изучить процессы взаимодействия по линии «власть – общество» в чрезвычайных условиях «Великих социалистических преобразований». Основным корпусом источников являются материалы делопроизводства Полномочного представительства ОПТУ по Сибирскому краю, вспомогательным – делопроизводство местных партийных и советских органов, материалы региональной прессы. В ходе исследования проанализированы зафиксированные чекистами протестные действия с участием женщин за первую половину 1930 г. Выявлены ключевые характеристики женского протеста, формы сопротивления, его причины и мотивации, а также воздействие на крестьянский социум и политику власти. Установлено, что данное социальное действие в условиях отсутствия легальной возможности влияния на аграрную политику партии оказывалось вполне адекватным средством для достижения протестовавшими определенных целей. «Бабий бунт» являлся маркером экстремальности социальной жизни всего раннесоветского общества в годы «Великого перелома», демонстрировал радикализацию отношений между крестьянским миром и представителями власти в процессе насильственной

этатизации деревни. Доказано, что женский протест как часть общекрестьянского сопротивления в ходе первого этапа «сплошной коллективизации» принудил власть корректировать свою политику и даже искать некоторые компромиссы.

Ключевые слова: СССР, Сибирь, коллективизация, конфликт, социальное действие, формы сопротивления, женский протест, «бабий бунт».

Библиографическое описание для цитирования:

Игнатьева Е.А. Женский протест в Сибири в первой половине 1930 г. как феномен радикального ответа политике насильственной этатизации деревни // *Идеи и идеалы.* – 2021. – Т. 13, № 1, ч. 2. – С. 457–475. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-457-475.

«Великие социалистические преобразования», реализовавшиеся советским руководством на рубеже 1920–1930-х гг., знаменовали собой реализацию масштабного проекта радикальных изменений всех сфер жизни общества. Последние заключались в индустриализации промышленности, коллективизации сельского хозяйства и ликвидации неграмотности населения («культурной революции»). Коллективизация советского сельского хозяйства была чрезвычайным, но показательным примером авторитарного высокомодернистского планирования [15, с. 318].

Переход к концепции «построения социализма в отдельно взятой стране» (со второй половины 1920-х гг.) обуславливал форсированность, милитаризм, детерминированность преобразований (иначе с точки зрения идеологической догмы «первое в мире социалистическое государство» было бы обречено на гибель «в капиталистическом окружении»).

Директива на форсирование «реконструкции советского хозяйства» задавалась Политбюро ЦК ВКП(б). Впоследствии она спускалась по «вертикали» партийной/советской власти, где особую роль играли органы ОГПУ, выполнявшие не только информационно-осведомительную, но и карательную функцию. Данный фактор имел принципиальное значение в событиях начала «Великого перелома», объявленного И.В. Сталиным в ноябре 1929 г., когда тот выдвинул на передний план признак наметившегося перехода середняков в форсированно создававшийся коллективный сектор аграрного производства. В декабре того же года Сталин поставил репрессивную задачу «ликвидации кулачества как класса», переводя напряженность и противоречия в деревне в формат инспирированной политическим руководством социальной войны.

Стремительное наступление на «патриархальный» крестьянский мир с его особым экономическим и социально-культурным укладом жизнедеятельности вызвало волну деревенского протеста. Масштаб последнего оказался для большевиков неожиданным с позиций как географического

(массовые волнения по всему Союзу), так и социального (представители разных социальных групп, поколений, национальностей) измерения.

Безусловно, что мобилизация властью женской части сельского населения в политическое пространство, активизация их деятельности во второй половине 1920-х гг., включенность в сельские управленческие структуры становились частью планов общей «советизации» крестьянства, что, однако, не являлось признаком безусловного закрепления власти в селе. Сельский мир продолжал сохранять свою традиционную социальную самоорганизацию, остро поведенчески реагируя на акции власти, прямо затрагивавшие их коренные жизненные, хозяйственные интересы (от повышения налогового бремени до экспроприации имущества и высылки части крестьянских семей).

Крестьянский протест в рассматриваемый период (конец 1929 – первая половина 1930 г.) демонстрирует массу различных способов открытого и скрытого противодействия как агентам власти, так и сельским активистам в деле воплощения курса на «социалистическую реконструкцию сельского хозяйства»: от анонимных писем, листовок, прокламаций, устных угроз и самовольных собраний до массовых «волынок»¹, избиений и даже убийств тех, кто осуществлял конфискации и высылки из деревни. Радикальные способы взаимодействия с властью – специфика деревенского протеста (в отличие от городского, носившего скорее латентный характер). Переход же от пассивных к активным формам сопротивления (как и наоборот) зависел от жизненных условий населения.

Так, для деревни наиболее тяжелыми были осенне-зимние хлебозаготовки в конце 1929 г. и в первые месяцы 1930 г. К концу весны 1930 г. уровень радикальности крестьянских масс снижается. Здесь и объективные причины: начало сельскохозяйственных работ, недолгое смягчение давления власти после сталинского маневра («Головокружения от успехов») [17], а также субъективные: исчерпание протестного потенциала, отсутствие реальных перспектив для дальнейшей защиты своих интересов.

Особенностью крестьянского сопротивления исследуемого периода является высоко активная роль женщин в нем. Именно они оказались в эпицентре «антисоветских выступлений». Масштаб крестьянского протеста демонстрировал тот факт, что крестьянство фактически оказалось *terra incognita* для большевиков [15, с. 323]. Сказывалась катастрофическая не-

¹ «Волянка» – термин из лексикона сотрудников ОГПУ. В данном контексте – стихийный, массовый протест в деревне. Также для него характерны отсутствие лидера (в большинстве случаев), отсутствие подготовки выступления, длительность. «Волянка» – «язык источника», и, стоит отметить, здесь речь идет не о затягивании какого-либо рода работ (что, казалось бы, очевидно из этимологии слова), а именно о стихийности и массовости протеста («волянки» пришли из рабочей среды, где обозначали выступления, не согласованные с профсоюзными органами).

хватка агентов власти на местах. Деревенские активисты были мобильно активированы на деструктивные акции (отъем имущества, определение состава высылаемых хозяйств и т. д.), но отнюдь не на консолидированные, конструктивные действия в осуществлении государственной программы реорганизации аграрной экономики страны. Оказывалось, что крестьянский мир ценностно консолидировался более в отстаивании своих интересов, нежели вокруг планов «форсированной коллективизации и ликвидации кулачества как класса».

Факты неожиданно для местных властей резко проявившегося женского участия в деревенском социальном протесте нашли свое отражение в растерянных донесениях «наверх». По чекистской линии также поступали подтверждения массовости и масштабности женского протеста как ядра, движущей силы деревенского сопротивления в 1930 г. В частности, в справке ОГПУ «о противодействии кулачества политике коллективизации и его выселении в 1929–1930 гг.» от 17 ноября 1930 г. под грифом «совершенно секретно» сообщалось, что «в массовых выступлениях до 75 % участников составляют женщины» [19, с. 703].

В публичном политическом пространстве это находит подтверждение в выступлении на XVI съезде партии 28 июня 1930 г. члена Политбюро Л.М. Кагановича, отметившего, что «в связи с перегибами в колхозном движении женщины в деревне во многих случаях сыграли наиболее “передовую” роль в настроениях против колхозов <...> кулак использовал в своих интересах значительную часть женщин» [19, с. 70].

В дискурсе власти женский протест маркировался как «бабий бунт». Крестьянка, выступающая против политики коллективизации, являлась «бабой» – недалекой, аполитичной, не осознающей текущей политической/экономической/социальной ситуации, руководствующейся сиюминутными эмоциями и «собственническими интересами». Мышление в таких категориях лишало возможности оценки действий женщин как самостоятельных акторов, а также отрицало наличие ценностно-целевой координаты их действий. С точки зрения власти женский протест являлся восстанием охваченных истерией женщин, а сопротивление деревни – продуктом ее отсталости. В упомянутой выше справке ОГПУ «о противодействии...» обозначена «кулацкая агитация» как единственная причина открытого противодействия деревни мероприятиям власти: «В феврале и марте мес. 1930 г. кулачество интенсивно использует перегибы на селе, недостаточность разъяснительной работы..., открыто призывает не только к роспуску советов и изгнанию коммунистов и активистов из деревни, но и к прямому вооруженному восстанию...» [19, с. 702–709].

В историографии оценки процесса женской «эмансипации» и женского протеста в СССР неоднозначны. Так, английский историк Джон Кип и

отечественный специалист А.Л. Литвин в совместной монографии, посвященной вопросам современной историографии сталинизма, оценивают процесс женской «эмансипации» на этапе коллективизации скорее в позитивной коннотации. По их мнению, коллективизированное сельское хозяйство со всеми его ошибками приобщило деревенских женщин к общественной жизни как ударниц и стахановок, статус которых как «героинь социалистического строительства» заметно контрастировал с их былым подчинением нравам патриархального общества. Они обрели «возможность стать теми, кем никогда не были», и угрожали устойчивым гендерным иерархиям [7, с. 90].

Тезис спорный, и в противовес ему канадская исследовательница Л. Виола в монографии «Крестьянский бунт в эпоху Сталина» оценивает процесс коллективизации и роль женщин в нем совершенно иначе. «Бабы бунт», являвшиеся жестокими и на первый взгляд безрассудными проявлениями женского гнева, несли признаки продуманности или, по крайней мере, определенных устоявшихся форм поведения, которые говорят о том, что это были не просто неудержимые истеричные порывы. В целом автор оценивает «бабий бунт» как наиболее успешный «разрешающий метод» крестьянских массовых выступлений в период коллективизации, одновременно служивший эффективным средством защиты для мужчин деревни, а значит, и для всех ее жителей [2, с. 241, 248].

В нашей недавней публикации, посвященной отдельным характеристикам «бабьего бунта» [6], мы солидаризируемся с канадской коллегой и попытаемся в настоящей статье раскрыть более комплексно природу и значение данного социального феномена.

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину 1930 г. – исходный этап «форсированной коллективизации». Начало необратимым «преобразованиям» деревни положили два постановления ЦК ВКП(б): от 5 января 1930 г. («О темпе коллективизации...» [19, с. 85, 86]); от 30 января 1930 г. («О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств...» [19, с. 126–130]).

Завершается данный этап коллективизации (с его «волнами» наступлений и отступлений) к июню 1930 г. «Точка невозврата» в «реконструкции» сельского хозяйства пройдена: зажиточная деревня уничтожена, индивидуальный/единоличный сектор дезорганизован. На высшем уровне итоги «наступления на деревню» оцениваются положительно. С лета начинается очередной этап этатизации – закрепление «командных высот» государства в аграрном производстве.

Территориальные рамки исследования охватывают весь Сибирский край. Проблемным ядром выступает выявление условий, факторов, форм и последствий вовлеченности женской части сельского населения в ради-

кальный антигосударственный социальный протест, определяемый в советском агитпропе и чекистской документации как «бабий бунт». Источниковой базой исследования являлось делопроизводство ПП ОГПУ по Сибирскому краю, дополнительно привлечены материалы делопроизводства по советской и партийной линиям, а также региональной прессы.

Документы чекистского делопроизводства вбирают в себя всю массу событий, являющихся, по мнению ведомства, «антисоветскими». Кампанию по «сплошной коллективизации» сами большевики называли политической, добавляя к тому же милитаристский оттенок борьбы (очередной «фронт»). Поэтому все волнения в деревне, имевшие (или могущие иметь) «антисоветский» характер, находили в этих документах отражение. Оперативные и специальные сводки содержат как описательную (фактографическую) часть, так и аналитическую. Тенденциозность источника возможна в аналитике (масштаб, следствия, причины). Мы же используем фактографическую часть (дата, место, событие, действие). Последний подход применен и в отношении делопроизводства по партийной и по советской линиям. Для них также характерны тенденциозные оценки, «классовое» мировоззрение, стремление авторов документов представить свою работу максимально эффективной.

Периодические печатные издания крайне субъективны и тенденциозны, направлены не только на публикацию определенного мнения, но и трансляцию последнего в основные группы советского социума. Пресса, будучи полностью подконтрольной партийному руководству и государственной цензуре, представляла своим читателям «дозированный» объем нужной (с государственной точки зрения) информации. Печать, насыщенная высоким пропагандистским потенциалом, выступала в качестве инструмента, мобилизующего чувствительные к воздействию на агитпроп массы населения.

С методологической точки зрения исследование базируется на структурно-функциональном подходе Р. Мертона [9], разработках теории социального действия М. Вебера [1, с. 603], теории непреднамеренного результата преднамеренного социального действия Р. Мертона [8, с. 5–17], которая в данном случае может рассматриваться в качестве теории среднего уровня.

Структурный функционализм в исследовании форм девиантного (каким и является в нашем случае женский протест) поведения поднимает вопрос о том, каким образом социальная и культурная структуры воздействуют на людей, способствуя возникновению девиантного поведения в обществе. По Р. Мертому, данные девиации как новые образцы поведения возникают с большой вероятностью в тех подгруппах, которые находятся в конфликте с институциональными нормами. Но интерес представляет

другой тезис Мертона: как девиации меняют социальную структуру. «Бабий бунт» не только изменил культуру крестьянского протеста, выводя последний на иной уровень, но и повлиял на крестьянский социум в целом, а также на его отношения с различными институтами власти. Таким образом, мы рассматриваем протестные действия не как атомизированные и лишённые целевой и ценностной составляющей, не как маргинальные явления, а как действия, являющиеся частью социальной структуры в целом, свидетельствующие о дисфункции ее элементов.

Актуальна для исследования и другая теоретическая разработка Р. Мертона [8] – анализ непредвиденного результата (женский протест) преднамеренного социального действия (насильственная этатизация деревни). Теория объясняет причины появления непредвиденного результата, что представляет адекватную научную альтернативу идеологическим штампам и мифам о «классовой борьбе», «бешеном кулацком сопротивлении» в качестве объяснений не желаемых для власти последствий. Теория дает возможность понять, чем пренебрегали авторы реализуемых этатистских кампаний. Здесь лидирует фактор «императивности ближайшего интереса»: «реконструкция сельского хозяйства» должна была осуществляться «здесь и сейчас». Императивность пренебрегает «издержками» реализуемых мероприятий, возводя на пьедестал планируемые результаты.

Борьба институтов власти за лояльность и активизм женской части населения деревни реализовывалась как часть кампаний «социалистических преобразований». Осенние пропагандистские кампании 1929 г. подчеркивали активную роль женщин в деле реализации спускаемых директив – на полосах газеты появлялись работницы и крестьянки, желающие «нести ответственность за судьбы социалистического строительства». Отметим, что мобилизация женщин проходила не только под консолидационными лозунгами. «Сознательные крестьянки» противопоставлялись «бабам» с их «бунтами» (то, что сотрудники ОГПУ в своих сводках предпочитали называть «волынкой»).

Настоящая сознательная крестьянка должна была быть готовой «зажать кулака в своем кулаке». Женщины в деревне становились наравне с мужчинами во всех смыслах: «Женщины-трактористки свои обязанности выполняют не хуже, чем мужчины» [12, с. 3], они становятся членами правления колхозов, активно борются с «кулаком», заготавливают и собирают урожай и т. д. Женщинам предписывалась наравне с мужчинами роль «авангарда» партии как в колхозе, так и на фабрике.

Уравнивание в правах женщин и мужчин нередко доводилось до абсурдной эмансипации. И дело не только в том, что происходил резкий разрыв с традиционными ценностями, но и в том, что новые («социалисти-

ческие») в значительной степени искусственно насаждались вместо первых. Поэтому данный процесс можно назвать искаженным: женщина как будто получала самостоятельность в выборе жизненного пути, но государство тем временем уже принимало за нее решение: «Вопросы социалистического соревнования, пятилетка, развитие сельского хозяйства, единоначалие – должны всё больше и больше занимать мозги женщин-работниц, особенно коммунисток» [13, с. 2].

Говоря о предыстории женского протеста, следует отметить, что он проявлялся и ранее, в эпоху Гражданской войны, но в совершенно иных масштабах и с иными следствиями. Для той эпохи исследуемый нами феномен скорее исключение: после установления советской власти, в том числе с запаздыванием на территории Сибири, последнюю раздирали бандитизм и вышедшая из-под контроля «партизанщина», чрезвычайно высокий уровень насилия в деревне, произвол и злоупотребления агентов власти, террор со стороны «продотрядов» и «ревтрибуналов». Обилие военных и парамилитарных групп на территории Сибири в экстремальную эпоху приводило к тому, что женщины часто становились объектами насилия (физического и сексуального). Женского протеста, отчетливо выраженного в рамках общекрестьянского, в источниках того времени практически не наблюдается.

Кампании «ликвидация кулачества как класса» и «сплошной коллективизации» стали причиной коренного изменения крестьянского протеста как в количественном, так и в качественном отношении. Так, в уже приводившейся выше справке ОГПУ о «противодействии кулачества политике коллективизации и его выселении в 1929–1930 гг.» от 17 ноября 1930 г. в масштабах страны отчетливо прослеживается в динамике процесс радикализации сопротивления деревенского населения государственной политике по следующим параметрам: рост числа арестованных, увеличение числа массовых «контрреволюционных выступлений», возрастание конфронтации, уровня насилия как внутри деревенского социума, так и между группами последнего и представителями власти. Скачок зафиксированных «терактов» против агентов власти (с 808 в январе до 1368 в феврале 1930 г.) сопровождался ростом количества распространяемых «антисоветских листовок» с усилением «контрреволюционной активности» их содержания. Чекисты делали вывод, что «с февраля 1930 г. повстанческие настроения деревенской контрреволюции растут по возросшей прогрессии и констатируется резкое об активление деятельности кулачества и перерастание ее в повстанческие формы...» [19, с. 703]. Мы не считаем возможным разделять чекистскую оценку массовых выступлений в деревне как «провокацию кулачества». Здесь важна фактическая составляющая, фиксирующая генеральную тенденцию к росту радикализации крестьянского протеста.

Что представляло собой сельское население Сибири в демографическом контексте накануне «Великого перелома»? Согласно данным статистического справочника по Сибирскому краю, на 1 января 1930 г. из 9 923 821 жителей в сельской местности проживало 8 450 893 чел. [14, с. 3] с некоторым перевесом в них женской части (51 %). Электоральная статистика, отразившая выборы двух последних лет (в 1927 и 1929 гг.), демонстрирует медленное, но поступательное включение женщин в политическое поле. Возрастает доля женского участия в выборах сельских советов: с 32,9 % женщин среди голосовавших в 1927 г. до 59,7 % в 1929 г. [14, с. 54]. При анализе состава депутатов сельских советов также отмечена тенденция роста доли женщин с 12,4 % до 18,8 % соответственно [14, с. 60, 61]. Женщины чаще стали занимать председательские посты в сельсоветах: с 1,1 % до 7,6 % [14, с. 72]. Та же тенденция прослежена и в динамике доли женщин в составе коммунистической организации региона (здесь приведены общие данные по городским и сельским ячейкам): с 7,3 % (1925 г.) до 12,4 % (1929 г.) [14, с. 87].

Обратимся к региональной статистике «антисоветских проявлений», собранной полпредством ОГПУ, что позволяет проанализировать протестные действия с зафиксированным в них участием женщин за первую половину 1930 г. в Сибири (444 события). В соответствии с составом участников нами были выделены три категории: «чистый» тип (участники – только женщины), «преобладающий» (участники – преимущественно женщины) и «общий/массовый» (участники – «толпа», а действие расценивается как «волынка» в соответствии с терминологией чекистов).

Январь и февраль 1930 г. являются месяцами фактической монополии женщин на открытое сопротивление (здесь имели место лишь «чистый тип» и «преобладающий»). Мартовское «отступление» власти позволило расширить базу массовых выступлений – так в деревне появляются «общие/массовые» выступления. С января по май наблюдался устойчивый рост протестных действий всех типов, причем в период с января по март количество последних возрастало в 3–3,5 раза по отношению к предыдущему месяцу (с 7 эпизодов в январе до 82 в марте). Пиком протестной активности является май месяц (165 эпизодов). Это объяснимо: с конца апреля начинается очередная волна «хозяйственно-политических кампаний», объектом которых становилась деревня (помимо удерживания колхозов от распада, это налоговые, посевные и иные кампании, реализация которых уже не обходилась без принуждения, угроз и репрессий). Одновременно и в противовес этому дают о себе знать и обостряются «продовольственные затруднения» (в переводе с бюрократического новояза – голод), из ссылки возвращаются беглые «кулаки», в защиту которых выступало местное население. Таким образом, динамика протестной активности зависела от кон-

кретных мероприятий власти, состояния крестьянского хозяйства и сезонности сельской работы.

Наиболее активными в сопротивлении кампаниям «социалистической реконструкции» деревни являлись сельские жители Славгородского, Омского и Новосибирского округов Сибкрая. Это объяснялось сельскохозяйственной нагрузкой на южные территории (для первых двух) и близостью к краевой власти (для последнего). Минимальны выступления в национальных окраинах (Ойротия, Хакасия и Бурят-Монголия), а также в Кузнецком округе. Ни один из этих округов не являлся сельскохозяйственным регионом, что делало их менее приоритетными для осуществления «реконструкции».

Женщины преимущественно выступали коллективно (в чекистской документации это обозначалось как «организация волынки»), выдвигали требования, угрожали применением (и даже активно применяли) физического насилия (избиения, ранения) по отношению к представителям власти и местным активистам, срывали изъятие зерна и других продовольственных запасов, самовольно возвращали свое ранее обобщественное имущество, срывали высылку репрессированных семей на спецпоселение, противостояли закрытию церквей и арестам священников и т. д.

Информация из сводок и докладных записок ПП ОГПУ за первую половину 1930 г., несмотря на специфический характер сообщаемых сведений и их оценки, позволяет судить о причинах, вызывавших массовое противодействие сельских жителей политике власти. Доминирующей выступала репрессивная политика в деревне, хронологически связанная с действиями чекистов превентивного характера («обезглавить» неизбежный протест арестами). Деревня реагировала на карательные действия в широком диапазоне – от кратковременной вспышки до жесткого противодействия власти.

Так, в полученном 9 февраля 1930 г. Новосибирским окрисполкомом отчете Каргатского райисполкома о «коллективизации и подготовке к весенней кампании» председатель РИКа Кочетков «сигнализировал» о подготовке женщин в одном из сел «встретить [командированную] бригаду так, чтобы выдворить ее», об «антисоветских высказываниях» последних («наши друзья не Вы, <...>, в колхозы мы не пойдем, убирайтесь от нас») и даже об угрозах убийства и самоубийства: «Одна из женщин бросила на столе президиума собрания 3-х недельного ребенка и заявила, что задушу мужа, утоплюсь сама и пр.» [4, л. 78 об.].

В делопроизводстве мы обнаруживаем эпизоды, когда активный массовый протест приводил к временному безвластию. Это произошло в двух крупных сибирских селах (Комарье и Согорное) Индерского района Новосибирского округа, где в период с 27 января по 1 февраля

(по некоторым данным, до 30 января [3, л. 56]) 1930 г. местная власть в результате «волынки» потеряла контроль над ситуацией. Согласно чекистской информации, волнения в указанных селах были спровоцированы экспроприацией имущества у нескольких десятков «кулацких хозяйств». При этом в селе Комарье «особенно активно себя проявляли женщины... группами приходили в сельсовет и требовали возвращения имущества кулакам и восстановления их избирательных прав» [16, с. 124]. В селе Согорное острота того же вопроса усугубилась также обсуждением возможного закрытия церкви, что повлекло за собой начало «волынки» в этом селе. В обоих селах представители районной власти, приехавшие «утихомирить» крестьян, вынуждены были бежать отсюда. По агентурным сведениям, среди шести «инициаторов экспесса» в с. Согорном были три женщины («кулачки») [16, с. 125]. В с. Комарье, по тем же сведениям, среди участников «волынки» преобладали и проявляли активность также женщины. Требования протестовавших в обоих селах имели схожий характер: помимо требований о прекращении экспроприации имущества «кулаков» и возвращении им избирательных прав, появился и достаточно радикальный призыв о выселении из сел «активистов», проводивших директивы власти.

При этом выехавшая в эти села группа из района, включавшая сотрудников милиции и ОГПУ, действовала в отношении «зачинщиков волынок» жестоко. В начале февраля 1930 г. были проведены массовые аресты «инициаторов» протеста, а из 44 арестованных жителей указанных сел «особой тройкой» ПП ОГПУ по Сибкраю 28 человек приговорены к расстрелу, семь человек (один середняк и шесть «кулаков») – к разным срокам заключения и ссылке, три «беднячки» – условно к разным срокам [10, с. 36, 37; 3, л. 126].

Еще один эпизод массового и упорного сопротивления с активным участием женщин исследован С.А. Папковым [11]. В с. Бураново Черепановского района Новосибирской области весной развернулась борьба за жизнь сельского священника Герасима Михайловича Теодоровича. Сначала священник стал жертвой экономической стигматизации (зима 1929–1930 гг.), затем (15 апреля 1930 г.) по типичной логике развития событий тех лет был обвинен в руководстве «контрреволюционной группой». Попытки местного милиционера арестовать Теодоровича не увенчались успехом: женщины, принесшие пастырю в дом молоко, криками собрали порядка ста человек односельчан. Толпа окружила милиционера, последнему пришлось убраться из села. После инцидента предпринимались попытки убедить жителей села прекратить сопротивление специальной бригадой из райкома ВКП(б) в сопровождении начальника милиции и уполномоченного ГПУ, закончившиеся, однако, ничем.

Приехавшая позже новая группа переговорщиков во главе с представителем Черепановского райисполкома Бумаем предприняла новую (и вновь неудачную) попытку «усмирить» село. Крестьяне перехватили инициативу – стали требовать обсуждения вопросов о справедливом землеустройстве, о восстановлении в правах всех «лишенцев» и возвращении им имущества, об оплате подвод при выселении «кулаков» из села.

Третья попытка власти арестовать священника закончилась катастрофой: 7 мая в Бураново прибыл вооруженный отряд из десяти человек под руководством того же Бумая. С появлением группы в селе крестьяне стали окружать дом священника. Толпа «примерно до 300 человек, начала бесчинствовать, нападать на милиционеров и бить их». Численность протестующих росла, собралось «почти всё село». Толпа вооружилась «градом камней и палок», наиболее активные женщины «набрали соли и золы с целью засыпать глаза милиционерам, производившим арест попа». Чекисты отмечали, что мужчины, следуя примеру женщин, также переходили к «активным действиям». Прибывшая группа вынуждена была бежать из села.

Бурановская «волынка» (как и ряд других инцидентов, аналогичных этому) стала следствием действия нескольких факторов: грубая политика и произвол местных активистов, заявления «центра» о недопущении «крайностей» и «перегибов» на селе, бегство из ссылки «кулаков» (за них, как и за священника, и заступалась толпа). В ближней перспективе бурановцы добились своего: священника не арестовали, захваченные «кулацкие» дома и уцелевшее имущество «лишенцев» были возвращены их прежним хозяевам, организована общественная охрана, часть партийцев и активистов покинули село.

В течение следующих трех недель в селе осуществлялась операция по «ликвидации кулацких группировок»: 28 мая арестован священник и его жена, а также другие участники «массовой волынки и бесчинств», 14 человек (Теодорович в том числе) были приговорены к «высшей мере» и расстреляны в ночь на 14 июня 1930 г., 35 человек приговорены к заключению в концлагере на срок от трех до десяти лет (23 из них – условно). Последнюю группу обвиняемых по «бурановскому делу» осудили «тройкой» ПП ОГПУ в сентябре 1930 г. [11, с. 305].

Нередко инициаторами «волынок» являлись те, кто представлял потенциальную социальную базу советской власти (беднота, батрачество). Навязанное «сверху» деление на «своих» и «чужих» не всегда находило отклик в деревне. Так, в с. Серебрянка в конце апреля «собралась группа женщин, в количестве 20 чел., исключительно беднячки, под руководством делегатки беднячки Савельевой, около Потребобщества». Женщины выкрикивали следующее: «Нужно разбить кооперацию, вытащить имеющийся там хлеб и разделить между собой. Терпеть больше невозможно. Нам всё

равно идти в тюрьму или сдохнуть с голоду». Помимо «антисоветских» высказываний, женщины «всячески угрожали зав. лавкой Сергееву – члену ВКП(б)» [5, л. 50]. Приводимый эпизод не был исключением в череде доносений сотрудников ОГПУ.

Таким образом, главными мотивами для женщин являлись борьба против изъятий жизненно необходимых ресурсов, что грозило голодом (называемым в большевистском делопроизводстве эвфемизмом «продзатруднения»), защита выселяемых или бежавших из ссылки «кулаков» и их семей, а также защита имущества (как репрессуемых односельчан, так и своего). Месть как мотивация к действию (избиения, ранения, покушения на убийство сельских активистов) занимала незначительное место в «бабьих бунтах» (1,2 % эпизодов).

Если среди протестных форм актуальными для женщин становились срывы собраний и созыв самовольных, несанкционированных сходок, распространение слухов, то в зафиксированных случаях криминального характера (грабеж, поджоги, порча колхозного и общественного имущества и т. д.) роль женщин практически не прослеживается [6, с. 113]. Мы не «слышим» женщин, высказывавшихся «антисоветски» в разговорах, зафиксированных сотрудниками ОГПУ. Мы не видим их в составе делегаций, направляемых с жалобами в Новосибирск. Женщины крайне редко пишут письма «во власть». Интент-анализ обнаруженных текстов свидетельствует о наличии следующих интенций в них: просьба, жалоба, обвинение, оскорбление, угроза. Рациональное «зерно» критики и обвинений сочетается с традиционным мировоззрением. С одной стороны, женщины обвиняют власть в неправомерности репрессий, развернувшимся экономическом кризисе, физической и/или имущественной ликвидации социальных слоев деревни, обманутых ожиданиях, некачественности и бездарности представителей «новой» власти, пропагандистской лжи, в жестком социальном неравенстве, доведении до самоубийств и убийств, варварских методах колхозного движения, государственном «грабительстве», разжигании конфронтации в сельском социуме. С другой стороны, мы обнаруживаем в женских текстах и архаичные пласты традиционной культуры: ксенофобия (высказывания антисемитского характера), мышление в монархических категориях, религиозность с элементами фанатичности и др.

В источниках встречаются эпизоды отказа мужчин от вступления в колхозы/коммуны из-за несогласия с данным решением жены: «Я бы хотел вступить членом в коммуну “Юный строитель”, которая граничит с нами, но жена и дети заявили, что я должен с ними расстаться навсегда» [3, л. 148]. Так, большевики попадали в своеобразную ловушку. С законодательной точки зрения они предоставили женщинам права и равенство с мужчи-

нами. С точки зрения повседневной практики для представителей власти деревенские женщины оставались по-прежнему истеричными «бабами». В любом случае установка ссылки на не согласную на вступление в колхоз жену работала достаточно эффективно.

Фактор значительного влияния женщин на мужское население и фактической неформальной властной монополии первых отмечал в своем выступлении на совещании в крайкоме партии с участием Л.М. Кагановича 8 апреля 1930 г. заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом Сибкрайкома ВКП(б) Курганов: «...совершенно напрасно не говорят здесь о таком явлении, как женщины. С мужчинами в деревне вы сейчас не будете говорить. А если будете, то он будет вам поддакивать: всё так, всё правильно. А женщина сейчас является главным активом на собраниях. Женщины в первых рядах, а мужики сзади, в кустах, от них прячутся» [18, с. 281, 282].

Население деревни активно использовало статус аполитичных «баб» по отношению к женщинам. Такой шаблон позволял мужчинам избежать наказаний, диапазон которых в зависимости от пола и происхождения протестовавшего варьировался от «высшей меры социальной защиты» до нескольких лет в лагерях или ссылке. Это предопределило своеобразное «разделение труда» в крестьянском протесте: за мужской частью деревни оставались все возможные легальные, институализированные способы сопротивления политике власти (коллективные решения, письменные обращения к власти, делегации и т. д.)², за женской – массовые, стихийные, на первый взгляд «аффективные», «антисоветские» действия.

Коллективизация сельского хозяйства никоим образом не создала «новых людей» в сельской местности и не уничтожила глубокого социокультурного различия между деревней и городом [15, с. 320]. Напротив, она привела к возникновению «квазигражданской» социальной [2, с. 279] войны в деревне, где «бабы» сыграли свою роль, и в определенные моменты – ключевую. Женщины выражали не только и не столько свои интересы, но и интересы вынужденных молчать мужчин, а также лишенных возможности отстаивать свои права «бывших» и «кулаков». Подобное достаточно масштабное социальное действие в условиях отсутствия легальной возможности влияния деревенского мира на аграрную политику партии оказывалось вполне адекватным средством для определенной корректировки осуществлявшегося ею курса.

Женщины были в авангарде массового и масштабного сопротивления деревни в начальный период «сплошной коллективизации». Такой акти-

² Однако не стоит думать, что эти институты реально работали. Наличие легальных возможностей в государстве с недемократическим режимом не означает реального их действия на политику партии.

визм привел к временному отступлению власти (март 1930 г.). Со второй половины весны женский протест приобрел новый импульс, когда встал «зерновой» вопрос (вопросы продовольствия, запаса семян и кормов для животноводства). Здесь роль женского сопротивления очередным чрезмерным конфискационным мерам государства вновь оказалась ключевой: представителям власти пришлось маневрировать, гасить, а не усугублять напряженность в деревне. «Бабы бунты» оказались одним из важнейших факторов, определивших прагматизацию действий власти в вопросе сохранения на время части единоличных хозяйств, обеспечивших посевные и уборочные сельхозработы 1930 г., благодаря чему полученный в том году богатый урожай зерна позволил на время отсрочить неизбежную для страны в дальнейшем голодную катастрофу. Таким образом, в первой половине 1930 г. женский протест как часть общекрестьянского принудил власть корректировать свою политику, отступать от крайнего радикализма, искать некоторые компромиссы во взаимоотношениях с крестьянством. На наш взгляд, важно отметить частоту проявлений такого феномена эпохи ранней коллективизации, как так называемые перегибы – ключевой термин политического новояза. В его основе лежали действия избыточного, экстремально высокого насилия институтов власти в посягательстве на экзистенциальные ценности крестьянского мира (право на жизнь, свободу, распоряжение своим хозяйственным потенциалом и т. д.), встретившие массовое и разнообразное сопротивление деревни, в котором именно женская активная часть оказалась наиболее чувствительным индикатором ответа на государственное насилие, заставив власть маневрировать в этой своей «незнаменитой» войне с крестьянством.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
2. Виола А. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. – М.: РОССПЭН, 2010. – 366 с.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. Р-1027. – Оп. 8. – Д. 7.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. Р-1228. – Оп. 1. – Д. 846.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. Р-1228. – Оп. 3. – Д. 17в.
6. Игнатьева Е.А., Красильников С.А. «Бабы бунты» как социальное протестное действие в Сибири (первая половина 1930 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных статей / под ред. В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. – Барнаул: Азбука, 2019. – С. 110–116.

7. *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России: современная историография. – М.: РОССПЭН, 2009. – 327 с.
8. *Мертон Р.К.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 5–17.
9. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.
10. Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921–1991. – Новосибирск: ЭКОР, 1997. – 767 с.
11. *Папков С.А.* «Великий перелом» и крестьянское сопротивление. Эпизод из жизни одного поселка весной 1930 г. // 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. – М.: РОССПЭН, 2020. – С. 298–305.
12. *Петров А.* Женщины в колхозах // Советская Сибирь. – 1929. – № 212. – С. 3.
13. Размениваются на мелочи // Советская Сибирь. – 1929. – № 242. – С. 2.
14. Сибирский край: статистический справочник. – Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. – 804 с.
15. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. – М.: Университетская книга, 2005. – 576 с.
16. Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. / сост.: С.А. Красильников и др. – Новосибирск: Наука, 1992. – 283 с.
17. *Сталин И.В.* Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Советская Сибирь. – 1930. – 4 марта (№ 52). – С. 1.
18. Стенограмма заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) 8 апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни, январь–май 1930 г.: сборник документов. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. – С. 243–295.
19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939. Т. 2: документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2000. – 927 с.
20. XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М.: ОГИЗ; Л.: Московский рабочий, 1930. – 781 с.

Статья поступила в редакцию 18.09.2020.

Статья прошла рецензирование 11.11.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-457-475

**WOMEN'S PEASANT PROTEST IN SIBERIA
IN THE FIRST HALF OF 1930:
THE PHENOMENON OF A RADICAL RESPONSE
TO THE POLICY OF VIOLENT ETATIZATION**

Ignatyeva Evgeniya,

Master's student,

Humanities Institute

Novosibirsk State University,

1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Postgraduate research fellow,

Novosibirsk State University,

Humanities Institute's Research and Education Center "Heritage"

1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

jane.rose.gnr@yandex.ru

Abstract

The paper deals with the problem of the phenomenon of women's protest during the process of "total collectivization" of the agricultural sector. The author investigates the phenomenon as social action within the framework of the structural-functional approach (M. Weber, R. Merton), which allows to eliminate ideological clichés and analyze women's protest not as an affective social action ("Bab'i bunt" – women's revolt), but as a complex social action in which the role of goal setting can be dominant. This approach makes it possible to establish the main characteristics of women's protest, its effect, and impact on the culture of peasant protest. It provides an opportunity to consider the processes of interaction between "authority – society" in the extraordinary conditions of "the Great socialist transformation". Main sources are archival documents of the OGPU authorized representative in the Siberian region (krai); minor sources include archival documents of local party committees and Soviet organisations and also regional press. The author analyzes protest actions recorded by the OGPU officers with the participation of women in the first half of the 1930s, identifying the main characteristics of women's protest, its forms, causes and motives, as well as the impact on peasant society and state policy. The author also reveals that this social action in the absence of a legal opportunity to influence the agrarian/peasant policy of the party was quite an adequate means to achieve certain goals of the protesters. "Bab'i bunt" was a marker of the extreme social life of early Soviet society during the "Great Break", which demonstrated the radicalization of relations between the peasant society and authorities during a violent etatization of the village. The conclusion is that the women's protest, as part of the general peasant protest at the first stage of "complete collectivization", forced the authorities to adjust their policies and even seek some compromises.

Keywords: USSR, Siberia, collectivization, conflict, social action, form of resistance, women's protest, "bab'i bunt".

Bibliographic description for citation:

Ignatyeva E. Women's Peasant Protest in Siberia in the First Half of 1930: The Phenomenon of a Radical Response to the Policy of Violent Etatisation. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 1, pt. 2, pp. 457–475. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-457-475.

References

1. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 804 p. (In Russian).
2. Viola L. *Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance*. New York, Oxford, Oxford university press, 1996 (Russ. ed.: Viola L. *Krest'yanskii bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 366 p.).
3. *State archive of Novosibirsk region (GANO)*. F. R-1027. Inv. 8. Doc. 7. (In Russian).
4. *State archive of Novosibirsk region (GANO)*. F. R-1228. Inv. 1. Doc. 846. (In Russian).
5. *State archive of Novosibirsk region (GANO)*. F. R-1228. Inv. 3. Doc. 17v. (In Russian).
6. Ignat'eva E.A., Krasil'nikov S.A. [Bab'i bunty as a social protest action in Siberia (first half of 1930)]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Dvenadtsatye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina* [Aktual issues of the history of Siberia. Twelfth Scientific Readings in Memory of Professor A.P. Borodavkin]. Barnaul, 2019, pp. 110–116. (In Russian).
7. Litvin A., Keep J. *Stalinism: Russian and Western views at the turn of the millennium*. London, New York, Routledge, 2005 (Russ. ed.: Kip Dzh., Litvin A. *Epokha Iosifa Stalina v Rossii: sovremennaya istoriografiya*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 327 p.).
8. Merton R.K. The unanticipated consequences of purposive social action. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 2009, no. 2, pp. 5–17. (In Russian).
9. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York, The Free Press, 1968. 702 p. (Russ ed.: Merton R.K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Moscow, AST Publ., 2006. 873 p.).
10. *Nasha malaya rodina: kbrestomatiya po istorii Novosibirskoi oblasti, 1921–1991* [Our small homeland. Anthology of Novosibirsk region history 1921–1991]. Novosibirsk, EKOR Publ., 1997. 767 p. (In Russian).
11. Papkov S.A. ['Great Break' and resistance of the peasantry. An episode from the life of a village in the spring of 1930]. 1929: "Velikii perelom" i ego posledstviya: materialy XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [1929: "The Great Turning Point" and Its Consequences: Proceedings of the XII International Scientific Conference], Ekaterinburg, 26–28 September 2019. Moscow, 2020, pp. 298–305. (In Russian).
12. Petrov A. Zhenshchiny v kolkhozakh [Women in kolhozs]. *Sovetskaya Sibir' = Soviet Siberia*, 1929, no. 212, p. 3.
13. Razmenivayutsya na melochi [They exchange on trifles]. *Sovetskaya Sibir' = Soviet Siberia*, 1929, no. 242, p. 2.
14. *Sibirskii krai: statisticheskii spravochnik* [Siberian krai: Statistical handbook]. Novosibirsk, Statsektor Kraiplana Publ., 1930. 804 p.

15. Scott J.C. *Seeing like a state: how certain schemes to improve the human condition have failed*. New Haven, London, Yale University Press, 1998 (Russ. ed.: Skott Dzh. *Blagimi namereniyami gosudarstva: pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovii chelovecheskoi zhizni*. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2005. 576 p.).

16. Krasil'nikov S.A., comp. *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri, 1930 – vesna 1931 g.* [Special settlements in Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 283 p.

17. Stalin I.V. Golovokruzhenie ot uspekhov. K voprosam kolkhoznogo dvizheniya [Dizzy with Success: Concerning Questions of the Collective-Farm Movement]. *Sovetskaya Sibir' = Soviet Siberia*, 1930, 4 March (no. 52), p. 1.

18. Stenogramma zasedaniya byuro Sibkraikoma VKP(b) 8 aprelya 1930 g. [Transcript of the meeting of the Bureau of The sibkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on April 8, 1930]. *Kollektivizatsiya sibirskoi derevni, yanvar' – mai 1930 g.* [Collectivization of the Siberian countryside, January – May 1930]. Novosibirsk, 2009, pp. 243–295.

19. *Tragediya sovetsskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie, 1927–1939*. T. 2 [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization, 1927–1939. Vol. 2]. Moscow, 2000. 927 p.

20. XVI S'ezd Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (b). *Stenograficheskiĭ otchet* [16th Congress of the All-Union Communist Party. Verbatim record]. Moscow, OGIZ Publ., Leningrad, Moskovskii rabochii Publ., 1930. 781 p.

The article was received on 18.09.2020.

The article was reviewed on 11.11.2020.